

Анна Сорока
Соня Миронова

The poster features a romantic couple in a snowy, mountainous landscape. The man, on the right, is wearing a dark blue police uniform with a 'ПОЛИЦИЯ' (POLICE) patch on the sleeve. The woman, on the left, is wearing a brown coat with a white fur collar and a blue turtleneck. A husky dog is sitting in the lower left corner. The background shows a snow-covered village with warm lights from the windows and a sunset sky.

Мой участковый

Участок на краю
тайги

Соня Миронова

**Мой участковый.
Участок на краю тайги**

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой участковый. Участок на краю тайги / С. Миронова —
«Автор», «Автор», 2026

Я приехала в Заречье лечить животных, а не воевать с хозяином тайги. Но отказала браконьеру в поддельных документах — и ночью моя ветстанция вспыхнула. От налётчиков меня спас Илья Соломатин, сельский участковый с руками богатыря и характером скалы. Теперь я живу в его доме. Он назвал меня хозяйкой, закрыл от сплетен и пообещал защитить. Только кто защитит моё сердце? За окнами трещит мороз, у печи греется верная лайка, а рядом мужчина, чьё молчание волнует сильнее любых признаний. Я не привыкла прятаться за чужой спиной. Нам предстоит вместе выйти против вооружённой банды — и разобраться, где кончается его долг и начинается то, ради чего хочется остаться.

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анна Сорока

Мой участковый. Участок на краю тайги

Мой участковый. Участок на краю тайги

Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

В три часа ночи тайга за стенами сельской ветстанции гудела ровным ледяным стоном.

Термометр за одинарным стеклом лаборатории застыл на отметке минус тридцать два. Мороз сочился сквозь паклю нижних венцов, стелился по крашеным плахам пола белесой поземкой и лизал подошвы моих войлочных сапог. Я склонилась над стареньким монокулярным микроскопом, согревая ладонями заиндевевшую латунную трубку. Пальцы в тонких хирургических перчатках немели каждые десять минут, и приходилось греть их в карманах шерстяной безрукавки, поверх которой был накинут казенный халат.

На предметном стекле темнели мазки крови. Никакого падежа от сибирской язвы, о котором днем орал ввалившийся в кабинет скупщик Круглов по кличке Шатун, здесь не было.

Я до сих пор помнила тяжелый дух его волчьей дохи, запах перегара и табака, заполнивший приемную. Шатун швырнул на стол пачку тугих купюр, перетянутых резинкой, и выкатил мутные глазки:

— Подмахни свидетельства первой формы, докторша. Десять партий соболя, две тонны мороженой оленины и лайки с питомника. Напиши, что карантин чистый, вывоз разрешен. Подмахнешь — до весны будешь икру ложкой есть. А заупрямишься — тайга глухая, река Урсул глубокая, лед к маю только сойдет. Костей не соберут.

Я тогда даже не дрогнула. Спокойно сдвинула ребром ладони его деньги и поднялась во весь рост — городская, в строгом халате с университетским значком на лацкане, но с опытом экстренной хирургии и токсикологии:

— За взятку и подделку бланков строгой отчетности у нас тюремный срок, гражданин Круглов. А за незаконную добычу и вывоз зверя тоже придется отвечать. Вон из ветстанции. Документов вы не получите.

Он ушел, пообещав, что до утра я пожалею о своей спеси.

И ночь принесла расплату.

Снаружи, у глухого забора, истошно взвизгнул Пират — полуторагодовалый кобель, оставленный мне на передержку охотником Кузьмичом. Следом глухо захрипел Верный, сторожевой пес станции. Лай оборвался неестественно быстро — захлебнулся утробным кашлем.

Я сорвала с крючка налобный фонарь и выскочила в коридор. В нос ударил резкий дух — смесь аммиачной гари и сладковатого керосинового чада.

В ту же секунду стекло в боковом окне смотровой со звоном разлетелось вдребезги. В комнату, осыпая багровые искры, влетел тяжелый сверток — просмоленная пакля на листовничном колу. Огненный ком ударился об угол стеллажа, отскочил на подоконник, и старое сухое дерево вспыхнуло за пару секунд. Ситцевые занавески мгновенно превратились в факелы, под потолок поползли жирные удушливые клочья сажи.

— Пират! Верный! — крикнула я, перекрывая гул огня.

Пират бился в конвульсиях на полу. Мышцы кобеля свело каменным спазмом, из пасти валилась розовая пена, зрачки расширились до краев радужки. Пес щелкал зубами в страшной агонии, задирая голову назад — классический опистотонус. Когда я упала перед ним на колени, его челюсти лязгнули в сантиметре от моей руки.

Внутри включился холодный расчет реаниматолога.

Сдернув брезентовую петлю поводка, я набросила ее на челюсть пса, стянула за ушами и всадила иглу со спазмолитиком прямо сквозь шерсть в бедренную мышцу. Судороги начали стихать — пес глухо захрипел, расслабляя лапы.

Огонь на раме перекинулся на обшивку стены. Я метнулась к железной печке, схватила ведро с водой. За день воду затянуло сантиметровой коркой льда. Чугунным ковшом я с размаху пробила лед и с плеском окатила пылающий подоконник. Дерево зашипело, комната утонула в клубах пара.

При свете фонаря я увидела Верного. Пес лежал без движения у порога. На его шее темнела крошечная гематома. Раздвинув шерсть, я нащупала обломанную иглу полимерной ампулы с перьевым стабилизатором.

Пневматический дротик с армейским нейропаралитическим препаратом «Стрела-М» — спецсредство для бесшумного вывода из строя служебных собак. Браконьеры действовали по армейскому образцу.

— Дыши, мальчик, дыши... — выдохнула я, нащупав нитевидный пульс на артерии.

Сдернув с вешалки прорезиненный брезентовый фартук, я расстелила его на полу, перекатила неподвижные туши обеих сорокакилограммовых овчарок и, обмотав лямки вокруг ладоней, поволокла собак к входному тамбуру. Но когда я толкнула массивную дощатую дверь наружу, она даже не дрогнула.

С улицы глухо ударило бревно — дверь намертво подперли тяжелой слесей. А через миг под порог с шипением хлынула темная жидкость. Запах бензина резанул по легким, и с улицы с гулом взметнулась стена огня. Лиственничные плахи порога занялись трескучим пламенем. Мы оказались в западне.

Я выхватила из дровяного ящика пожарный топорик и рубанула по косяку заклинившей двери. Обух отскочил от промороженного дерева, ладони обожгло отдачей. Я развернула топор, всадила лезвие в стык замка и навалилась всем телом. Металлическая накладка согнулась, осыпая окалину, но снаружи держал не замок — на крыльцо навалили штабель сырых бревен.

Черный дым заполнил сени до отказа. Я смочила марлевый рулон физраствором из кармана, прижала ком ко рту и бросилась обратно в смотровую. Там уже гудело пламя. Схватив тяжелый металлический табурет, я с разбега швырнула его в уцелевшую раму бокового окна. Стекла с грохотом вылетели во тьму.

В проеме тут же выросла громоздкая фигура в черной балаклаве. В руке нападавшего тускло блеснула ребристая монтировка, занесенная для удара мне в висок:

— Допрыгалась, сука ученая?!

Я не стала кричать. Рука метнулась к штативу на уцелевшей полке, пальцы впились в горлышко толстостенной склянки — концентрированный 25-процентный нашатырный спирт.

Одним хлестким движением я разбила литровую бутылку о железный отлив прямо перед мордой бандита.

Аммиачное облако брызнуло ему в глаза. Налетчик истошно завыл, выронил монтировку и отпрянул назад, рухнув в сугроб и раздирая ногтями балаклаву. А на снегу ярко блеснул упавший инструмент. В свете огня на стали отчетливо проступило клеймо: «Лесопилка №2 / Круглов».

Я сорвала с соседнего окна плотную штору и перебросила ее в снег. Затем перевалила через подоконник Пирата и с неимоверным усилием выволокла Верного. Зажав в зубах ремень чемодана экстренной помощи, полезла наружу сама.

Осколок стекла вспорол штанину, полоснув по бедру. С потолка сорвалась горящая драпка — огненный шматок ударил мне в спину, поджигая халат и шерстяную безрукавку. Уже на подоконнике я сдернула занявшуюся одежду, швырнула ее в огонь и в одном тонком свитере упала в полутораметровый сугроб.

Снег обжег разгоряченную кожу колючим холодом. Овчарки дышали. Я оттащила их подальше от дыма и накрыла сорванной с окна плотной шторой: теперь их надо было согреть.

Но из-за горящего дровяника, вздымая снег высокими бахилами, ко мне уже бежал второй налетчик. В одной руке он держал канистру, а в другой зловеще мерцало широкое лезвие охотничьего ножа.

* * *

— Стоять! — прохрипел бандит, огибая пленницу.

В этот момент сквозь треск огня донесся тоненький, отчаянный писк.

Изолятор. Дощатый пристрой, где с вечера был заперт месячный щенок соболиной лайки — Соболь, единственный выживший малыш из ценнейшего племенного помета деда Прохора, привезенный на вакцинацию. Стена пристроя уже гудела огнем: пламя пожирало сухую дранку, по крыше расползлся верховой пал.

Я не стала ждать удара ножом. Перекатившись через плечо, я вскочила на ноги, подхватила воткнутую в снег совковую лопату и бросилась к пылающей стене сарая.

— Куда прешь, сгоришь! — рявкнул сзади нападающий.

Жар от досок бил в лицо, ресницы мгновенно свернулись. Я размахнулась лопатой и со всей силы вогнала лезвие в пылающие нижние доски. Раз, второй! Промороженное дерево трещало, осыпая руки углями. На третьем ударе обшивка подалась, открывая узкий пролом.

— Соболь! Ко мне, маленький! — крикнула я, бросая лопату и протискиваясь в раскаленный зев сарая.

Под коленями тлела солома. Дым стоял сплошной стеной, я сгребала снег голыми руками, сбивая пламя.

И вдруг пальцы под слоем подстилки наткнулись на холодный металл.

Под проломленными досками прятался массивный стальной цилиндр — профессиональный герметичный тубус для глубокой заморозки и перевозки пушнины. Смахнув нагар, я нащупала выбитые литеры: «Круглов / Сектор 3».

Схрон! Тайник браконьеров прямо под полом сарая ветпункта. Под неплотно завинченной крышкой темнели свертки отборного баргузинского соболя. Неужели они жгли станцию еще и затем, чтобы уничтожить следы тайника перед зимней ревизией?

— Тяв! Тяв-тяв! — раздалось из угла, из-под осевшего наката.

Щенок забился под бревно и отчаянно скулил. Рука не доставала на полметра. Вытащить его силой было нельзя — малыш в панике вжимался в мерзлую землю.

Тогда я применила таёжный прием, которому меня учил старый алтайский охотник. Сложив губы трубочкой, я издала мягкий гортанный звук — низкое материнское ворчание суки-лайки, зовущей щенят к вымени.

Малыш замер. Бусинки глаз блеснули сквозь копоть, и серый комочек пуха доверчиво выкатился прямо в мои ладони.

Я прижала его к груди, подхватила тубус за лямку и метнулась назад.

И в этот миг стропильная балка лопнула с оглушительным треском.

Многопудовое пылающее бревно рухнуло поперек пролома, завалив выход стеной углей. С потолка закапала горящая смола, воздух кончился.

Паниковать было некогда. Я подхватила брошенную у пролома лопату. Взглянув на заднюю стену сарая, выходившую в огород, я увидела старые разошедшиеся плахи. Вогнав лезвие лопаты в щель между досками, я налегла на черенок всем весом, как на рычаг. Кованые гвозди со скрежетом полезли наружу, доски с треском выломались, образовав вертикальный лаз.

— Держись, малыш, — прошептала я побелевшими губами.

Вытолкнув наружу стальной тубус и бережно опустив в снег щенка, я полезла следом.

Но шерсть свитера на правом плече намертво зацепилась за ржавый ершеный гвоздь. Стена уже оседала, огонь падал на спину. Стиснув зубы, я сделала яростный рывок вперед. Раздался треск шерсти, острая боль обожгла плечо, сдирая кожу до крови.

Огненная волна лизнула сапоги, когда я кубарем вывалилась в рыхлый снег огорода. За спиной сарай с глухим уханьем окончательно рухнул, взметнув к звездам сноп искр.

Я тяжело глотала ледяной воздух. Кровь на плече запекалась на морозе, свитер был прожжен. Но щенок был жив — мокрый комочек жался к металлу тубуса.

— Вот и всё, докторша, — раздался над головой хриплый голос.

Я подняла глаза.

Прямо надо мной стоял третий налетчик в заячем малахае. В руках он сжимал двухствольный обрез. Вороненные дула двенадцатого калибра смотрели мне точно в грудь. Палец бандита плавно натягивал спуск.

Я замерла, понимая, что не успею уклониться.

И в эту долю секунды из снежного вихря, сотканный из ярости тайги, без единого звука вылетел огромный пепельно-серый зверь.

Могучая лайка врезалась в бандита на бреющем полете, сбив его с ног единым ударом тяжелого тела. Раздался стук затылка о мерзлую землю, вопль боли и шелканье челюстей: пес в мертвой хватке сомкнул клыки на правом запястье нападающего и с хрустом вывернул сустав.

Обрез взлетел в воздух и упал в сугроб рядом со мной. Я схватила холодную сталь стволов. На колодке четко читался номер: «УВД Тайгинского района №0418». Номер я запомнила и отложила обрез подальше от руки налетчика: Илья проверит, кому принадлежало оружие.

Пес держал бандита мертвым замком, вдавив лапой в наст и утробно рыча.

Мороз тем временем сковывал тело. Мокрый свитер превратился в ледяной панцирь, зубы выбивали дробь. Маленький Соболь на снегу уже не пищал, мелко вздрагивая от гипотермии.

Не раздумывая, я рванула пуговицы рубахи под свитером, обнажая грудь, и сунула окованного щенка прямо к теплой коже.

Малыш всхлипнул, зарылся ледяным носиком мне под ключицу, жадно впитывая тепло.

А огромный пес поднял умную голову, встретился со мной взглядом янтарных глаз, выдохнул пар из ноздрей и встал надо мной широкой живой стеной, заслоняя от пронизывающего ветра.

* * *

Глава 2

— Вставай, тварь! — взревел позади голос.

Второй налетчик с охотничьим ножом перемахнул через остатки плетня. Увидев подельника под лапой лайки, он понял, что дело дрянь, и бросился на меня, чтобы добить свидетеля.

Я попыталась подняться, но промороженные колени подкосились. Сжав пальцы на стальном тубусе с соболями, я выставила его перед собой как щит.

Бандит ударил сапогом по металлу. Тубус вылетел из ослабевших пальцев, нападающий перехватил клинок обратным хватом и обрушил нож сверху вниз — прямо мне в шею.

Я зажмурилась, прикрывая рукой дрожащего под свитером щенка.

Но удара не последовало.

Сквозь вой ветра раздался свирепый треск и глухой звук, похожий на удар бревна о землю.

Я распахнула глаза.

Из снежной бури, словно утес, сошедший с хребта, вырос человек. Огромный двухметровый исполин в распахнутом овчинном полушубке с погонами старшего лейтенанта. Светлые волосы развевались на ветру, скулы застыли гранитом, а серые глаза горели сокрушительной яростью.

Участковый Илья Соломатин.

Он поймал вооруженную руку бандита в воздухе на излете, сомкнув пальцы на запястье нападающего, как тиски.

— На кого руку поднял? — негромко процедил Илья.

Короткий доворот корпуса, армейский дожим кисти с рычагом локтя через богатырское плечо. В тишине сухо хрустнула кость.

Бандит взвыл от боли, роняя нож. Одним плавным движением Илья впечатал его лицом в наст и наступил тяжелым сапогом на затылок, мгновенно прекращая сопротивление.

Но со стороны тракта взревел мотор длиннобазного снегохода «Ямаха». Ослепленный аммиаком первый бандит добрался до руля. Ксеноновые фары полоснули по сугробам. Направив стальную лыжу прямо на меня, водитель вдавил газ до упора. Триста килограммов металла неслись на меня, вздымая снежную волну.

— Аня, лежать! — прогремел голос Ильи.

Два выстрела из табельного пистолета высекли искры из капота снегохода, но налетчик шел на таран, намереваясь раскатать меня по мерзлой меже. До удара оставались считанные метры.

Илья действовал с молниеносным расчетом опытного таёжного бойца.

Он бросился наперерез несущейся машине, закрывая меня своей спиной, и в последний миг ушел с прямой траектории тарана. Снегоход вильнул на обледенелой бровке, корму занесло юзом. В эту долю секунды Илья выбросил руки вперед и намертво вцепился в задний стальной бугель рамы.

Используя чудовищную инерцию разворота машины и всю силу своего стодвадцатикилограммового богатырского тела как рычаг, Соломатин резко повернул раму на себя, вгрызаясь каблуками в мерзлый грунт, и с силой закрутил снегоход по дуге.

Потерявшая сцепление тяжелая машина сорвалась с бровки, зачерпнула настом лыжу, перевернулась и с грохотом рухнула набок в придорожную канаву.

Гусеница крутилась в воздухе, мотор заглох. Из расколотого кофра на снег вывалилась армейская рация с горящим экраном: «Волчий угол / 148.5 МГц».

Водитель выкарабкался из-под подножки, сунув руку за пазуху за дымовой гранатой. Илья шагнул вперед, и его правый кулак со свистом встретил челюсть бандита. Налетчик без звука рухнул навзничь в сугроб в глубоком нокауте.

— Буран, держать периметр! — бросил Илья псу. Лайка рыкнула, продолжая удерживать бандита с обрезом.

И в этот миг за нашими спинами раздался страшный грохот.

Остатки кровли ветстанции рухнули. Огромная горящая матица упала прямо на несгораемый шкаф-сейф, где хранился годовой запас района: редчайшие вакцины против сибирской язвы и бешенства. По стальным стенкам сейфа ползла копоть. Внутри, в термоконтейнерах, лежали вакцины; еще немного — и жар доберется до них. Район останется без запаса.

— Вакцины... — выдохнула я побелевшими губами. — Илья, там весь запас края!

Соломатин не колебался.

Накинув на плечи мокрый брезент, он шагнул к краю обвалившейся кровли. Всадил топор в торец дымящегося бревна, навалился на рукоять всем телом и откатил колоду от металлического ящика.

Схватил ручку через сложенную рукавицу и выволок ящик на наст. Но рукавица съехала; Илья резко втянул воздух сквозь зубы и все-таки дотащил сейф до снега.

Я бросилась к нему, упав на колени:

— Руки! Покажи руки, немедленно!

Его правая кисть и запястье представляли собой тяжелое зрелище: глубокий термический ожог второй степени. Кожа багровела резкой эритемой, над запястьем вздувались крупные напряженные пузыри со светлым серозным экссудатом. Но глубокие сухожилия были целы, обугливания не произошло — могучая плоть выдержала удар огня.

Илья даже бровью не повел. Он тяжело дышал, глядя на спасенный сейф:

— Вытащили твои лекарства, докторша. Теперь проверишь. Не переживай.

Ветер понес сноп искр на соседний бревенчатый сеновал колхозных конюшен. Еще минута — и занялось бы всё село. Илья подхватил обледенелый брезент с колодца, накрыл угли, забросал кромку снегом и тремя ударами топора обрубил горящие стропила, локализуя очаг.

Пожар был побежден.

Только теперь участковый повернулся ко мне. Я сидела прямо на снегу, прижимая к обнаженной груди спасенного щенка. Свитер висел клочьями, плечо кровоточило, а губы посинели от тридцатиградусного мороза — неудержимый озноб колотил всё тело.

Илья молча подошел вплотную. Опустился передо мной на одно колено, заглянул в глаза своими теплыми, строгими серыми глазами. Затем расстегнул пуговицы своего тяжелого овчинного полушубка, снял его с широких плеч и бережно укутал меня с головой.

Меня накрыло спасительным жаром его тела. Полушубок пах полыньей, оружейным маслом, дымом и чистым мужским теплом. Озноб начал отступать, сменяясь горячими слезами облегчения.

* * *

Со стороны тракта слышался топот десятков ног и скрип полозьев. На зарево сбегались разбуженные жители Заречья — мужики с вилами, женщины в платках, конюхи.

Впереди всех, расталкивая соседей, неслась местная торговка Дарья — крикливая баба в лисьей душегрейке, точившая на меня зуб за забракованную партию тухлого мяса в ее сельпо.

Первые подоспевшие мужики помогли Илье связать налетчиков. Он поднял из снега тубус, а я показала ему дротик, вынутый из шерсти Верного, и торопливо рассказала про угрозы Круглова. Увидев пепелище и связанных бандитов, Дарья заголосила:

— Ой, люди добрые, глядите! Говорила я, беду эта городская вертихвостка накликает! Сидела бы в Москве, так нет — приехала порядки наводить! Всех уголовников из тайги сюда приманила! Из-за нее нас всех пожгут! Гнать ее в шею из Заречья!

Толпа глухо загудела. Мужики, напуганные видом оружия, переглядывались.

Я попыталась подняться и скинуть воротник полушубка, чтобы сказать правду. Но от дыма и холода связки перехватило спазмом. Из горла вырвался лишь сиплый шепот:

— Это Круглов... они требовали сертификаты...

Толпа не услышала. Дарья шагнула ближе:

— Молчит! Знает кошка, чье мясо съела!

И тут вперед шагнул Соломатин.

Он не кричал. Просто поднялся во весь свой двухметровый рост, вставая между мной и сельчанами гранитной стеной. В здоровой руке участкового блеснул стальной тубус с гравировкой «Круглов / Сектор 3». Рядом на снегу, завернутый в чистую марлю, лежал дротик, который я вынула из шерсти Верного.

— А ну тихо! — негромко, но с такой силой уронил Илья, что гомон мгновенно смолк.

Участковый обвел собравшихся тяжелым взглядом:

— Раскройте глаза, мужики. Перед вами — вешдоки банды Шатуна. В этом тубусе ворованный соболев, спрятанный бандитами в сарае станции. А этой отравой они усыпили сторожевых псов. Круглов требовал от Анны Николаевны поддельные документы на вывоз пушнины и мяса без проверки. Она отказалась нарушать закон и врачебный долг. И тогда они пришли убивать ее и жечь станцию.

В толпе воцарилась тишина. Мужики опустили вилы. Старый конюх Михей снял шапку:

— Так она нас от мора спасла?..

— Она спасла скот всего Заречья, — отрезал Илья. — И спасла годовой запас вакцин, когда эти твари подожгли кровлю. Она вытащила из огня щенка и помогла задержать банду. Кто посмеет хоть слово кривое сказать в ее адрес?

Дарья осеклась и испуганно спряталась за спины охотников.

Вперед выступил староста Кузьмич в овчинном тулупе:

— По совести говоришь, Сергеич. Поклон докторше от всего схода. Только ведь беда: станция сгорела, жить Анне Николаевне негде. Мороз за тридцать давит. Может, в клуб ее пока? На топчан, печь протопим...

Я через силу кивнула, кутаясь в полушубок:

— Да... я в клубе переночую, только бы ящик с вакцинами занести...

— Не пойдет, — жестко перебил Илья.

Он подошел ко мне вплотную и властно положил здоровую ладонь мне на плечо, притянув к себе. Его голос отчеканил каждое слово:

— Ни в какой клуб она не пойдет. С этой минуты Анна Николаевна живет в моем доме. Она находится под моей личной круглосуточной охраной и защитой закона. И входит в мой пятистенки полноправной хозяйкой. Кто посмеет косо посмотреть или пустить сплетню — будет иметь дело лично со мной. Всем ясно?

Мужики уважительно загудели:

— Дело говоришь, Сергеич! Под твоим плечом надежнее всего!

Дарья попыталась было пискнуть про «незаконное сожительство», но Илья посмотрел на нее таким леденящим взглядом, что торговка окончательно прикусила язык.

— Аня, пойдешь ко мне? — спросил он уже тише, только для меня.

— Пойду, — ответила я. — Только собак заберем в тепло.

Кузьмич кивнул конюхам. Те подхватили укутанных овчарок и понесли в натопленную сторожку; я сунула старосте номер районного ветеринара и велела связаться с ним немедленно.

— Кузьмич, держи ключи, — Илья передал связку старосте. — Проверить ремни на бандитах и запереть в каменной кутузке при сельсовете. Выставить пост из двух вооруженных охотников. Утром вызову опергруппу из района.

— А ну как сообщники отбивать сунутся? — спросил староста.

— Не сунутся, — Илья свистнул, и лайка подбежала к ногам хозяина. — Буран остается на посту у кутузки. Пес никого на пушечный выстрел к дверям не подпустит до утренней смены. Буран, охранять!

Пес глухо гавкнул и рысью направился к сельсовету, усаживаясь перед кованой дверью.

Я попыталась сделать шаг по колее тракта, чтобы забрать чемодан. Но переохлаждение, ожог на плече и пережитый шок сломили силы. Ноги подкосились, мир накренился, и я начала падать на мерзлый наст.

Я не успела испугаться.

Сильные руки бережно подхватили меня под спину и колени, оторвав от земли. Илья поднял меня, как пушинку, и прижал к своей могучей груди. Сквозь ткань полушубка я почувствовала ровное биение его сердца, запах смолы, мороза и пороха.

— Держись за шею, Аня, — тихо и ласково произнес он мне на ухо. — Не падай. Я держу тебя.

Я уронила голову ему на плечо, обхватив шею озябшими пальцами. Под свитером сладко завозился отогревшийся щенок Соболь, лизнув меня в ключицу.

Илья широкими шагами понес меня вверх по склону — сквозь буран, по тропе на крутой яр над замерзшей рекой Урсул.

Там, среди вековых кедров, возвышался его рубленый пятистенник из мореной лиственницы с высоким крыльцом и коваными решетками на окнах — настоящая таёжная крепость.

Ветер хлестал в спину, но на руках Ильи мне впервые за долгие месяцы было абсолютно, непоколебимо спокойно. Никакой Шатун и никакие бандиты больше не могли до меня дотянуться.

Илья взбежал по ступеням крыльца, плечом распахнул тяжелую дверь в сени и внес меня внутрь.

Сухой стук: тяжелый дубовый засов опустился в железные скобы, наглухо отсекая свирепую тайгу и стужу.

В избе царил благодословенная тишина. Воздух пах сухой мятой, смолистым кедром и свежим хлебом. Из горницы веяло мягким жаром русской печи.

Илья осторожно опустил меня на широкую лавку у стены, снял шапку, взъерошив светлые волосы, и опустился передо мной на корточки. Его серые глаза смотрели прямо в мои — с чистой и непреклонной мужской верностью.

— Всё позади, Аня, — тихо сказал он, и его голос отозвался теплом в моем сердце. — Ты дома. Сейчас затоплю баню и печь. Отогреешься. И руку мне перевяжешь... доктор.

Глава 3

Свирепый вой тридцатиградусного ветра за бревенчатыми стенами пятистенка сделался глухим и далеким, разбиваясь о толщу лиственничных венцов.

Я сидела на широкой лиственничной лавке у стены, кутаясь в овчинный полушубок Ильи. Мое тело бил мелкий, изматывающий озноб. Зубы выбивали дробь, в ушах всё еще стоял гул рушащихся стропил ветстанции, а ноздри саднило от едкой лиственничной гари.

Ожог Ильи я закрыла чистой повязкой сразу, как мы вошли. Он позвонил в район: заявку на опергруппу приняли, но дорогу уже переметало. Когда Кузьмич доставил спасенный сейф, Илья вместе со мной проверил термоконтейнеры; упаковки с поврежденными индикаторами я отделила. Их использовать до проверки было нельзя.

Мой чемодан Кузьмич тоже принес, пока Илья готовил баню. Почти два часа хозяин дома без устали хлопотал по хозяйству: носил ледяную воду ведрами из колодца, колот смолистую березу на дворе, раздувал каменку в бане. За это время я успела согреть кружку парного молока на остывающем припечке, досыта накормить спасенного щенка и уложить его на войлочную подстилку. Маленький Соболь теперь сладко спал в углу под лавкой, сыто посапывая мокрым носом.

Я попыталась одеревеневшими пальцами расстегнуть ворот прожженного свитера. Руки свело судорогой от долгого пребывания на морозе. Поднявшись, я шагнула к побеленному боку русской печи и прижала онемевшие ладони к теплой чугунной заслонке. Пальцы оттаивали, покалывая тысячами раскаленных игл, но грубая шерсть на плече намертво присохла к свежему ожогу от искр, отозвавшись острой жгучей болью.

Я хотела смочить ткань теплой водой из чайника на шестке, но вода там едва начинала нагреваться. Не теряя драгоценных минут, я достала из спасенного чемодана ампулу с новокаиновым спреем и щедро оросила ткань. Боль отступила, оставив приятную прохладу. И тут я заметила, что рядом на лавке уже лежала аккуратная стопка: чистое, пахнущее ветром холщовое белье с вышивкой и тяжелый брусок душистого мыла, сваренного на кедровой живице. Хозяин пятистенка подумал обо всем заранее.

— Аня, — в сени из морозного двора вошел Илья в клубах густого пара. — Баня готова. Каменка гудит, березовые веники запарил. Идем скорей, пока жар самый ядреный.

Я попыталась встать, но голова закружилась от пережитого дыма и резкого перепада тепла, колени ослабли. Я ухватила за край массивного кедрового стола, чтобы удержать равновесие. Дверь из сеней распахнулась от сквозняка, и ледяная струя ударила по ногам, грозя новым приступом озноба.

Илья шагнул вперед, заслоня сквозняк своей широкой богатырской спиной.

— Держись, — мягко сказал он, подхватывая меня под локоть и набрасывая поверх плеч сухой овечий тулуп.

На высоком крыльце доски затянуло ледяной коркой. Илья бережно прижал меня к боку и буквально перенес через сугробы по деревянному настилу двора прямо в рубленый сруб бани. Мы преодолели мороз за считанные секунды, шагнув в просторный предбанник, залитый мягким светом керосиновой лампы.

Здесь упоительно пахло смолистым кедром, сухой мятой и распаренной березой. Но когда дверь хлопнулась, я внутренне сжалась: остаться один на один в глухой ночи с двухметровым таёжником было тревожно. Сердце забило чаще, я судорожно перехватила ворот тулупа на груди.

Илья мгновенно понял мою девичью скованность. Мужественное, строгое лицо смягчилось. Он молча поставил деревянный ушат с березовым веником, повесил кованый ковш и шагнул к выходу:

— Мойся спокойно, Аня. Ни о чем не тревожься. Я на крыльце постою, покараулю. Дверь изнутри на щеколду накинй.

Он вышел в морозную ночь, и я сама задвинула щеколду. Огромный человек остался на тридцатиградусной стуже в одном полушубке ради моего душевного покоя.

Сбросив прокопченную одежду, я вошла в парную. Жар обнял тело плотной, благодатной волной. Зачерпнув деревянным ковшом травяного отвара, я плеснула на раскаленные голыши каменки.

Камни отозвались сухим пушечным выстрелом, выбросив облако душистого пара. Воздух обжег обожженное плечо и легкие, заставив глубоко вдохнуть. Я опустила на липовый полок, прижав к лицу влажное полотенце и вдыхая целительный дух пихты и вереска. Фитонциды хвои пробивали спазм бронхов, смывая копоть и леденящий страх ночного пожара. Кровь побежала по жилам быстрее, возвращая телу силу и гибкость.

Я отмыла копоть с лица, распустила волосы и окатила себя из шайки теплой родниковой водой. Вода в баке подходила к концу. Смущаясь, я постучала в косяк предбанника:

— Илья...

Дверь приоткрылась, внутрь ворвался клубок пара, но хозяин отвел глаза в сторону, не позволяя себе нескромного взгляда:

— Держи, Аня.

Его рука подала ушат с горячим настоем таёжной ромашки. Ополоснувшись настоем, я насухо вытерлась рушником, надела льняную рубаху до пят и накинула тулуп. Ледяной кошмар сгорел в кедровом пару без остатка. Я вышла из бани обновленной, готовой жить и дышать полной грудью.

* * *

Илья ждал меня на мостках, смахивая иней с ресниц. Мы быстро перебежали морозный двор, вошли в сени и обмели веником снег с валенок.

После раскаленного пара меня мучила жажда. Я потянулась ковшом к кадке с ледяной водой, но горячая ладонь Ильи мягко перехватила мое запястье:

— Нельзя студеное после каменки, горло сожжешь. В избе самовар давно поспел.

Он распахнул массивную дверь горницы, впуская меня в сухой теплый дух сосновых бревен и цветущего чабреца.

За ситцевой занавеской я сменила белье на сухое фланелевое платье василькового цвета, бережно припасенное хозяином. Но стоило ступить босыми ногами на крашенные доски пола у порога, как от невидимого сквозняка ступни свело жесточайшей, каменистой судорогой. Я тихо вскрикнула, прислонившись к припечку, и захромала к широкой лавке, растирая побелевшие пальцы ног.

Илья опустился на колени перед лавкой прямо на дощатый пол у самого устья печи. Его огромные горячие ладони бережно обхватили мои тонкие щиколотки, приподнимая замерзшие ступни.

— Пусти, Илья... неудобно, я сама, — вспыхнула я до корней волос, пытаясь убрать ноги.

— Сиди смирно, докторша, — негромко, но непреклонно отозвался он. — Кровь в жилах встала от стужи. Если сейчас спазм не выгнать — до утра ходить не сможешь.

Он достал глиняную баночку с густым снадобьем — барсучий жир, уваренный с пихтовой живицей и камфорой. Разогрев мазь в ладонях до сухого жара, Илья начал глубокий, размеренный массаж. Его широкие пальцы двигались с поразительной чуткостью. Он разминал

свод стопы, сухожилия, каждый сустав. Живица глубоко прогревала ткани, сладкая согревающая волна покатила вверх к коленям, снимая напряжение последних страшных часов.

Я сидела, опустив глаза на его светлую голову у печи. Близость сильного мужчины в тишине уснувшего пятистенка казалась трепетной и пронзительной. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица.

— Спасибо... — тихо выдохнула я, глядя на его сильные плечи. — У тебя удивительно чуткие руки.

Илья поднял взгляд серых глаз, полных глубокой мужской нежности и уважения:

— Грех таким ножкам по морозу бегать.

Поднявшись во весь рост, он налил из медного самовара две кружки темного взвара. В комнате запахло сушеным шиповником, липовым цветом и таёжным медом. Подавая кружку, Илья непроизвольно вздрогнул пальцами правой руки от острой боли.

Я перехватила кружку и впилась взглядом в его кисть. Сняв съехавшую повязку, я увидела, как сильно разболелось запястье: кожа пылала багровым жаром, пузыри лопнули, края раны воспалились. Великан больше двух часов терпел адскую боль, колол дрова, носил воду и растирал мне ноги, ни словом не выдав своего страдания.

— Илья! — вскрикнула я, забывая про усталость. — Ты с ума сошел?! Живо к столу!

— Пустяки, Аня, — он виновато улыбнулся, пряча руку за спину. — Как на собаке зарастет. Кожа задубела, я и не чувствую почти.

— Молчать, старший лейтенант! — включила я безапелляционный тон хирурга. — Тут сухожилия разгибателей пальцев. Без антисептика начнется флегмона, стрелок останется без руки! Немедленно сел к верстаку!

Богатырь моргнул от моей командирской ярости и покорно опустился на табурет возле верстака, где стоял мой спасенный чемодан.

Я вымыла руки, надела стерильные перчатки, тщательно обработала рану мягким антисептиком и нанесла толстый слой охлаждающего гидрогеля с коллоидным серебром. Затем наложила эластичную сетчатую повязку, закрыв ожог, но сохранив полную подвижность пальцев.

— До утра не мочить. Менять повязку буду дважды в день, — отрезала я.

Илья пошевелил забинтованными пальцами и тихо усмехнулся:

— Сразу видно — городской доктор высшей пробы. А теперь спать.

Прежде чем я успела возразить, он легко поднял меня на руки, шагнул к печи и бережно уложил на побеленную теплую лежанку под пуховое одеяло.

— Илья, это же твое место... — запротестовала я, пытаюсь приподняться.

— На печи жар кости прогреет, кашель уйдет, — он ласково придержал меня за плечо. — А я на лавке в полушубке привык. Спи, доктор. Я рядом.

Притушив фитиль лампы, он лег на лавке у двери, укрывшись тулупом. Под ровный треск углей в печи я провалилась в целительный, глубокий сон.

* * *

Глава 4

Под утро Кузьмич передал по телефону: районный ветеринар добрался до сторожки, Пират и Верный уже пришли в себя и оставались под его наблюдением. Только тогда я позволила себе снова закрыть глаза.

На рассвете в сени негромко, робко постучали.

Илья бесшумно поднялся, накинул полушубок и вышел. Я спустилась с печи и пошла следом. На пороге мял заячью шапку старейшина села дед Прохор — Прохор Ильич, чей щенок мирно сопел в избе.

— Сергеич... Анна Николаевна... беда у меня, — забормотал старик, пряча слезящиеся глаза. — Зорька моя помирает. Воды ледяной из полыньи напилась, лежит пластом в хлеву, стонет, брюхо как бочка раздуло. Помогите, Христа ради! Без лошади мне в тайге верная смерть.

— Острая тимпания, завал желудка, — мгновенно определила я симптомы. — Илья, нужны сани. На таком морозе промедление в полчаса смертельно.

Илья без лишних слов запряг выездные сани, укутал меня тулупом, и через десять минут мы были у заимки Прохора на краю села.

В темном, пахнущем прелым навозом хлеву на боку лежала гнедая кобыла Зорька. Бока тяжело вздымались, живот раздулся до страшных размеров, из пасти тянулась густая пена. Животное тихо стонало, судорожно молотя копытами по настилу.

— Нужен желудочный зонд крупного калибра, — сказала я. — Мой сгорел на станции. Прохор, есть чистый резиновый шланг?

Старик метнулся в чулан и вынес кусок поливочного шланга. Но от мороза резина застыла каменным монолитом, согнуть ее было невозможно.

— Растоплю! — Илья выскочил во двор, разжег котел берестой и бросил шланг в кипяток с горькой полыньей. Через три минуты он внес горячий, эластичный и стерильный шланг.

— Держи голову, Илья! Прохор, за недоуздок! — скомандовала я, смазывая наконечник шланга льняным маслом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.